

Александр Лазарев, сын Александра Лазарева

Рубрику
ведет
Елена Курбанова

Александр Сергеевич Лазарев (или Лазарев-старший) предупредил меня, что для беседы у нас - полчаса. Он вошел в театр, когда электронные часы на служебном входе высветили 11.00, и покорила меня этим окончательностью. Если обаяние и умение улетать так рассказывать о себе присуще большинству известных актеров, то такое качество, как пунктуальность, к сожалению, практически выродилось.

- Вы сказали, что мы будем говорить о Шурке? (Шурка - Александр Лазарев-младший, выпускник школы-студии МХАТ, актер «Ленкома». - Е.К.)

- И о нем тоже...

- Меня несколько смущает, что вы просите меня - отца - рассказать о сыне. Тут может быть некоторая необъективность.

- А меня смущает или, правильнее сказать, раздражает лишь, когда в отношении таких артистов, как Саша, используется термин «блатные».

- Это, конечно, тем более неприятно, что наш парень удивительно самостоятельный. Он сам поступал в училище, сам показывался в театре. Его никто не проталкивал. По конкурсу он прошел в несколько театральных учебных заведений; нам только звонили и спрашивали: «Ну определился ли он, наконец?» Все это ведь идет от нашей «соведливости»: если шахтерская династия - то это династия, а если актерская - то это уже семья. Но ведь в искусстве, если даже кто-то кого-то куда-то устроил, то потом человеку надо самому выходить на сцену - родители ему в этом не помогут. Поэтому в нашей профессии человек стоит ровно столько, сколько он стоит.

- Как вы считаете, Саша похож на вас?

- Внешне? Нет. Люди даже соотносят нас не сразу. На сцене - другое дело. Мы тут на «Женитьбе Фигаро» сидели рядом с Арменом Джигарханяном, и он, наблюдая за Шуркой на сцене, говорил: «Я смотрю и на могу понять, кто работает - ты или он». А в одной рецензии о ленинском «Гамлете» было написано: «На сцену вышел молодой, до боли

знакомый старшему поколению Лазарев». Саша в этом спектакле играл Клавдия.

Ну а если говорить о его характере - он тем более совсем другой, нежели я. У него - другие оценки, другое мироощущение, восприятие. Он очень гордый. Очень самолюбивый. В чем-то очень ответственный. В чем-то - безответственный. Мы со Светланой - шестидесятники. У нас психология тех лет. У него - сегодняшняя. Мы часто к нему придираемся, пытаемся наставлять. Хотя со стороны слышим, что парень в общем-то воспитанный. Он, конечно, не из той семьи, в которой дети быют стекла в подъездах.

- А когда вы заметили в нем интерес к театру?

- Но ведь он рос в актерской среде. Он ходил под ногами у артистов, делал уроки в примерке у Светланы...

Рассказывает Александр Лазарев (младший).

- Я запомнил свой первый поход к театр в директорскую ложу. Сидел на самом лучшем месте. Отец и мать играли главные роли. Я смотрел, смотрел и заплакал. От чудовищной скуки и тоски. Маленького ребенка привели на «Таланты и поклонники»! А еще раньше, я этого не помню, но мне рассказывала мама, мы ездили в Одессу. Театр был там на гастролях. Меня дома оставляли с нянькой. Родители уходили на спектакль, и два лица с тоской смотрели им вслед - я, мечтавший пойти с родителями, и она, мечтавшая посидеть на спектакле. Потом уже нас стали брать с собой. Меня оставляли надолго в режиссерском цехе. Там лежали шпиги, мечи, шлемы - много всего интересного, ну а нянька стояла в кулисах и по многу раз смотрела один и тот же спектакль. Все было довольно.

- Александр Сергеевич, вы хотели, чтобы ваш сын стал артистом?

- Я очень этого не хотел. Чтобы благословить самое близкое тебе существо на этот путь, надо иметь большое мужество. Я прекрасно понимал, чем все это может закончиться. Видел огромные

количество изломанных и несостоящихся актерских судеб.

Рассказывает Александр Лазарев (младший).

- Отец сопротивлялся до последнего момента, пока я не пришел к нему и не сказал, что собираюсь поступать в театральное училище. Он-то мечтал, что я стану археологом. Или в крайнем случае дипломатом. И все время подсовывал мне книжки.

- Он нечитанный человек?

- Безумно. Мне кажется, что он знает все на свете. А про актерскую профессию говорил, что если я не буду фанатиком этого дела, именно фанатиком, то вообще ничего не получится. И если мне в какой-то момент захотелось быть артистом, то это еще на значит, что из меня выйдет толк. А вот мама, напротив, убеждала его оставить меня в покое и предоставить выбирать самому. Отец всегда был для меня идеалом на сцене. Это он меня всему научил, год со мной занимался до поступления в школу-студию

МХАТ. Я помню, как он меня учил, как он говорил, как он посылал меня на сцену?

- Ну это было еще до того, как он поступил в вуз. Первую свою

мамой, но она - женщина эмоциональная. Один раз что-то такое мне сказала (не очень приятное), я расписывался, хлопнул дверью: «Я больше с тобой заниматься не буду!» Отец меня тоже не часто хвалил, естественно. Но у него безусловно есть педагогический дар. Его звали преподавать - отказался. По-моему, совершенно напрасно. Но он говорит, что это очень большая ответственность - учить людей и выпускать их потом в жизнь...

На вступительных экзаменах я читал свою программу, волновался безумно и дочитался, помню, до того, что уже ничего перед собой не видел. Я очень благодарен отцу, что он недоумил меня, что нельзя на экзамен выходить только с одной басней, стилизованным и прозаическим отрывком. Это очень сужает возможности. Надо знать много всего.

- Александр Сергеевич, вы помните первый выход Саши на сцену?

- Ну это было еще до того, как он поступил в вуз. Первую свою

каз на «Юнону». У меня затряслись колени, но через 20 минут я был в театре. На меня посмотрели в режуправлении и благословили на показ Марку Анатольевичу. И три человека - Витя Ракон, Дима Кудрявцев и Наташа Сомонова - потрясающие люди, две недели тратили свое время и готовили меня на ввод. (А я был человеком с улицы). Через две недели я показывался Марку Анатольевичу, станцевал прилично, читал из «Пира во время чумы».

Рассказывает Александр Лазарев (младший).

- У меня было две репетиции по вводу перед поездкой в Чехословакию. Поначалу все давалось легко и очень нравилось. Я носился по театру и улыбался, а отец все время говорил: «Что ты улыбаешься? Ты думаешь, что будешь делать на сцене! Смотри, доулыбавшись». Но я продолжал улыбаться. И на втором спектакле вышел не вовремя. То есть я никак не должен был увидеть актера, который в тот момент находился на сцене. Как сейчас помню, он делает огромные глаза, затем какой-то нелепый кульбит и скрывается за декорацией. Я съел у него полсцену. Распериживался, перепутал текст, а когда зашел за кулисы - упал, разрыдался - такая была трагедия. Я бежал по ночной Чехословакии в истерике, в слезах в гостиницу. Зарылся с головой в подушку. От ужаса, стыда, обиды на самого себя. Пришел отец и произнес: «Плачь! А ты же говорил!!!» И теперь перед каждым спектаклем - мандраж дикий! Облегчение наступает только после последней реплики.

- Саша, а как ты попал в «Ленком»?

- Отдыхая летом в Мисхоре, познакомился с солистом ленинградского «Аракса» Александром Садо. А осенью он позвонил. Ситуация киношная. Намылил голову, купается в ванной, входит жена: «Тебя срочно к телефону!» - «Пусть перезвонит через 10 минут». - «Это важно! Иди!» Недовольно шлепаю с намыленной башкой и бурчу в трубку: «Але». - «Чтобы через 20 минут был в театре. Предстоит по-

каз на «Юнону». У меня затряслись колени, но через 20 минут я был в театре. На меня посмотрели в режуправлении и благословили на показ Марку Анатольевичу. И три человека - Витя Ракон, Дима Кудрявцев и Наташа Сомонова - потрясающие люди, две недели тратили свое время и готовили меня на ввод. (А я был человеком с улицы). Через две недели я показывался Марку Анатольевичу, станцевал прилично, читал из «Пира во время чумы».

- Он знал, что ты сын Лазарева и Немоляевой?

- Сначала нет. Позже, уже после того, как он взял меня к себе, то заинтересовался, не отношусь ли я к ним каким-то боком? Я сказал, что каким-то боком отношусь. Когда я узнал, что, возможно, поеду в Америку с «Ленкомом» танцевать в «Юноне», меня охватило безумие. Но дело в том, что если б я тогда уехал с театром, то сильно бы подвел курс. Я учился тогда у Александра Калыгина и должен был играть в дипломном спектакле «Чайка». И эта постановка тоже должна была ехать в Америку. Чтобы никого не подводить, я выбрал «Чайку», а к Марку Анатольевичу пришел осенью. Я играл в «Юноне», танцевал в «Поминальной молитве», затем вошел в «Ромула великого». Это был риск со стороны режиссера Петра Штейна, так как никто толком не знал, что я за артист. Ну а потом наши магистры решили передать «Гамлета» молодежи. И со мной над ролью Клавдия долго бился Александр Збруев.

- Тебе нравится, как он работает на сцене?

- Чрезвычайно! Это суперактер! Особенно когда бывает в удаче!

- Александр Сергеевич, а вы помогали Сахе в работе над ролью?

- Нет. Я считаю, что Марк Захаров - такая яркая фигура, столь тонкий и талантливый режиссер, что всегда говорю Шурке: вот как он тебе выстраивает роль, так и делай. Режиссер - это моя позиция - всегда знает о роли немножко больше, чем артист. И вначале надо сделать то, что он тре-

бует, а потом, если станет «тесно», привносить что-то новое.

Рассказывает Александр Лазарев (младший).

- Отец всегда поступал очень мудро - он в творчестве уступил мне мою «взлетную полосу». И мне кажется, что ему большей частью нравится то, что я делаю.

- Это искренне?

- Но ведь он прежде всего - профессионал. И фалы и на сцене не выносит. Нет, конечно, мы делаем друг другу замечания, очень переживаем на премьерах друг за друга.

- Ну а с мамой?

- С мамой нам выпало счастье вместе сниматься в «Провинциальном бенефисе». Я слышал от актеров, что она - замечательная партнерша - все видит, слышит. И рад был в этом убедиться.

- Александр Сергеевич, вы довольны тем, как складывается Сашина творческая судьба?

- Пока грешно жаловаться. Отснялся в «Провинциальном бенефисе» со многими «звездами». Картина, к сожалению, на три года уехала за рубеж. Сейчас заканчивает работу у Виталия Соломина в фильме «Охота» - безумно интересный материал: лошади, костры, собаки... Большие возможности.

- А когда он научился сидеть в седле?

- Сами удивляемся. Спрашиваю, ну как ты поехал, расскажи?

- Нормально, пап, сел и поехал. Не волнуйся.

Рассказывает Александр Лазарев (младший).

- Первый раз я сел на очень смиренную и умную лошадь. А вот на съемках под Питером мне попалась кобыла, которая ни разу не ходила под седлом. Была жуткая борьба - лошадь ни секунды не стояла на месте, козлила, била задом. Сплошная мука... Но зато теперь я могу проскакать галопом перед камерой.

- Александр Сергеевич, какую бы роль вы хотели пожелать сыграть?

- Что-нибудь очень глубокое. В нем, как мне кажется, есть и чистый романтизм, и трагическая глубина. Перед премьерами он

напоминает мне переполненный сосуд. А друзья - артисты часто спрашивают: «Откуда это у него - все эти оценки? Эта внутренняя зажатость? Где он всему этому успел научиться?» Я вспоминаю в таких случаях Светлану маму, которая говорила: «Вы - это что... Вот Шурка у вас растет! Вот это будет нечто...» А может, об этом не надо писать, а?

Рассказывает Александр Лазарев (младший).

- Мне грешно жаловаться на судьбу - в таком возрасте и такие роли! Клавдий в «Гамлете», граф в «Женитьбе Фигаро», Эмилиян в «Ромуле великом»...

- Расскажи напоследок что-нибудь забавное нашим читателям из своей биографии. Говорят, на «Женитьбе Фигаро» бывает много смешных накладок...

- Был второй спектакль. Мало того, что я на нем несколько раз упал, стукнулся несколько раз головой, так в довершение ко всему у меня лопнули штаны. От пояса до пояса. Впереди - огромный кусок и танец с графиней, где я должен поворачиваться спиной к залу. Ужас тихий. Я застыл, вытянулся, зажал ноги. И так в статике на одном месте провел всю сцену, периодически кидая реплики в зал. Марк Анатольевич прибежал за кулисы и, говорят, у всех спрашивал: «Что с ним такое? Может, он ногу сломал? Почему он застыл на одном месте?» А Саша Захарова (Графиня) вообще ничего не понимала. Потому что я сломал не ногу, а все ее мизансцены. Е конце она просто от отчаяния разрыдалась. Наконец мне удалось передать за кулисы, что у меня лопнули штаны. Мне вынесли каким-то образом камзол. Я обвязался им, как банным полотенцем... Вот это действительно было довольно смешно, правда, мне тогда было не до смеха...

- А что бы хотел сыграть в будущем?

- Ну может быть... тут Саша надолго задумывается. - Хлудова в «Бере» и Гамлета. Плох тот артист, который... Хотя я тут, наверное, не слишком оригинален

Лазарев
сын
Александра

10/94

Захаров Александр (млад.)

улыбаться. А на втором спектакле вышел не вовремя. То есть я никак не должен был увидеть актера, который в то время находился на сцене. Как сейчас помню, он делает огромные глаза, затем какой-то немислимый кульбит и скрывается за кулисами. Я «съел» у него полсцены. Распереживался, перепутал текст, а за кулисами - упал, разрыдался, такая была трагедия!.. Я бежал по ночному городу в истерике, в слезах влетел в гостиницу. Зарылся с головой в подушку. От ужаса, стыда, обиды на самого себя. Пришел отец и произнес: «Плачь! Я тебе говорил!!!» И долгое время перед каждым спектаклем был дикий мандраж. Облегчение наступало только после последней реплики.

- Когда тебя в «Ленком» брал Захаров, то он знал, что ты сын Лазарева и Немаевой?

- Сначала нет. Позже, уже после того, как взял меня в труппу, то поинтересовался, не отношусь ли я к ним каким-то боком? Я сказал, что каким-то боком отношусь... Отец, кстати, всегда поступал очень мудро - он в творчестве уступил мне мою собственную «взлетную полосу». Мне кажется, что ему большей частью нравится то, что я делаю. Хотя он делает мне иногда замечания. (Как и я ему.) Мы очень переживаем друг за друга на премьерах. С мамой нам выпало счастье вместе работать в картине «Провинциальный бенефис». Я лично убедился в том, о чем говорили многие артисты, работавшие с ней на площадке, - она замечательная партнерша, все видит и слышит. Работать с ней - одно удовольствие.

- Александр Сергеевич говорил о том, что в футболе и хоккее - много неожиданностей и что порой мужество и воля могут определить исход игры. А в театре?

- В театре таких случаев тоже предостаточно. Когда востребуется и мужество, и воля. И находчивость. Бывает множество смешных «накладок». На «Женитьбе Фигаро», на втором премьерном спектакле, у меня лопнули штаны. От пояса до пояса по шву. А впереди - сцена танца с Графиней, где я должен поворачиваться спиной к залу. Ужас тихий. Я застыл, вытянулся, зажал ноги. И так, в статике, провел всю сцену, периодически кидая реплики в зал. Марк Анатольевич, держась за сердце, прибежал за кулисы, у всех спрашивая: «Он что, сломал ногу? Почему он застыл на одном месте?» А Саша Захарова, исполнявшая роль Графини, вообще ничего не поняла. Потому что я сломал не ногу, а все ее мизансцены. В конце концов она от отчаяния разрыдалась. Наконец, мне удалось передать за кулисы, что у меня лопнули штаны. Мне вынесли каким-то образом камзол. Я обвязался им, как баннным полотенцем... Вот это действительно было смешно. Потом. Но в тот момент, на сцене, мне было не до смеха...

Елена КУРБАНОВ.

РАССКАЗЫВАЕТ АЛЕКСАНДР ЛАЗАРЕВ (МЛАДШИЙ).

- У меня было две репетиции по вводу перед поездкой в Чехословакию. Поначалу все давалось очень легко и нравилось. Я носился по театру и улыбался, а отец все время говорил: «Ты думай, что будешь делать на сцене! Смотри - доулыбаешься». Но я продолжал

Александр Лазарев, сын Александра Лазарева

Рубрику
ведет
Елена Курбанова

Александр Сергеевич Лазарев (или Лазарев-старший) предупредил меня, что для беседы у нас - полчаса. Он вошел в театр, когда электронные часы на служебном входе высветили 11.00, и покорила меня этим окончательно. Если обаяние и умение увлекательно рассказывать о себе присуще большинству известных актеров, то такое качество, как пунктуальность, к сожалению, практически выродилось.

- Вы сказали, что мы будем говорить о Шурке? (Шурка - Александр Лазарев-младший, выпускник школы-студии МХАТ, актер «Ленкома». - Е.К.).

- И о нем тоже...

- Меня несколько смущает, что вы просите меня - отца - рассказать о сыне. Тут может быть некоторая необъективность.

- А меня смущает или, правильное сказать, раздражает лишь, когда в отношении таких артистов, как Саша, используются термин «блатные».

- Это, конечно, тем более неприятно, что наш парень удивительно самостоятельный. Он сам поступал в училище, сам показывался в театре. Его никто не проталкивал. По конкурсу он прошел в несколько театральных учебных заведений; нам только звонили и спрашивали: «Ну определились ли вы, наконец?» Все это ведь идет от нашей «совдепии»: если шахтерская династия - то это династия, а если актерская - то это уже семья. Но ведь в искусстве, если даже кто-то кого-то куда-то устроил, то потом человеку надо самому выходить на сцену - родители ему в этом не помогут. Поэтому в нашей профессии человек стоит ровно столько, сколько он стоит.

- Как вы считаете, Саша похож на вас?

- Внешне? Нет. Люди даже соотносят нас не сразу. На сцене - другое дело. Мы тут на «Женитьбе Фигаро» сидели рядом с Арменом Джигарханяном, и он, наблюдая за Шуркой на сцене, говорил: «Я смотрю и на могу понять, кто работает - ты или он». А в одной рецензии о ленкомовском «Гамлете» было написано: «На сцену вышел молодой, до боли

знакомый старшему поколению Лазарев». Саша в этом спектакле играл Клавдия.

Ну а если говорить о его характере - он тем более совсем другой, нежели я. У него - другие оценки, другое мироощущение, восприятие. Он очень гордый. Очень самолюбивый. В чем-то очень ответственный. В чем-то - безответственный. Мы со Светланой - шестидесятники. У нас психология тех лет. У него - сегодняшняя. Мы часто к нему придираемся, пытаемся наставлять. Хотя со стороны слышим, что парень в общем-то воспитанный. Он, конечно, не из той семьи, в которой дети бьют стекла в подъездах.

- А когда вы заметили в нем интерес к театру?

- Но ведь он рос в актерской среде. Он ходил под ногами у артистов, делал уроки в гримерке у Светланы...

Рассказывает Александр Лазарев (младший).

- Я запомнил свой первый поход к театр в директорскую ложу. Сидел на самом лучшем месте. Отец и мать играли главные роли. Я смотрел, смотрел и заплакал. От чудовищной скуки и тоски. Маленького ребенка привели на «Таланты и поклонники»! А еще раньше, я этого не помню, но мне рассказывала мама, мы ездили в Одессу. Театр был там на гастролях. Меня дома оставляли с нянькой. Родители уходили на спектакль, и два лица с тоской смотрели им вслед - я, мечтавший пойти с родителями, и она, мечтавшая посидеть на спектакле. Потом уже нас стали брать с собой. Меня оставляли надолго в режиссерском цехе. Там лежали шпаги, мечи, шлемы - много всего интересного, ну а нянька стояла в кулисах и по многу раз смотрела один и тот же спектакль. Все были довольны.

- Александр Сергеевич, вы хотели, чтобы ваш сын стал артистом?

- Я очень этого не хотел. Чтобы благополучить самое близкое тебе существо на этот путь, надо иметь большое мужество. Я прекрасно понимал, чем все это может закончиться. Видел огромное

количество изломанных и несостоявшихся актерских судеб.

Рассказывает Александр Лазарев (младший).

- Отец сопротивлялся до последнего момента, пока я не пришел к нему и не сказал, что собираюсь поступать в театральное училище. Он-то мечтал, что я стану археологом. Или в крайнем случае дипломатом. И все время подсовывал мне книжки.

- Он начитанный человек?

- Безумно. Мне кажется, что он знает все на свете. А про актерскую профессию говорил, что если я не буду фанатиком этого дела, именно фанатиком, то вообще ничего не получится. И если мне в какой-то момент захотелось быть артистом, то это еще не значит, что из меня выйдет толк. А вот мама, напротив, убеждала его оставить меня в покое и предоставить выбирать самому. Отец всегда был для меня идеалом на сцене. Это он меня всему научил, год со мной занимался до поступления в школу-студию МХАТ. Я пробовал заниматься и с

мамой, но она - женщина эмоциональная. Один раз что-то такое мне сказала (не очень приятное), я расписовался, хлопнул дверью: «Я больше с тобой заниматься не буду!» Отец меня тоже не часто хвалил, естественно. Но у него безусловно есть педагогический дар. Его звали преподавать - отказался. По-моему, совершенно напрасно. Но он говорит, что это очень большая ответственность - учить людей и выпускать их потом в жизнь...

На вступительных экзаменах я читал свою программу, волновался безумно и дочитался, помню, до того, что уже ничего перед собой не видел. Я очень благодарен отцу, что он недоумил меня, что нельзя на экзамен выходить только с одной басней, стихотворением и прозаическим отрывком. Это очень сужает возможности. Надо знать много всего.

- Александр Сергеевич, вы помните первый выход Саши на сцену?

- Ну это было еще до того, как он поступил в вуз. Первую свою роль он сыграл в Театре Маяков-

ского в пьесе «Леди Макбет Мценского уезда» с Натальей Гундаревой. Так сложилось, что дети наших артистов переиграли роль мальчика Феди Лямина поочередно. Первый исполнитель - Антон Табаков. Когда он подрос, то его сменил наш Шурка на два сезона. За эти два сезона он вымахал настолько, что Наталья Гундарева говорила, что это не она должна его удушать подушкой (такова роль), а он ее. Поскольку Шурка выше и крепче.

Рассказывает Александр Лазарев (младший).

- У меня было две репетиции по вводу перед поездкой в Чехословакию. Поначалу все давалось легко и очень нравилось. Я носился по театру и улыбался, а отец все время говорил: «Что ты улыбаешься? Ты думай, что будешь делать на сцене! Смотри, доулыбавшись». Но я продолжал улыбаться. И на втором спектакле вышел не вовремя. То есть я никак не должен был увидеть актёра, который в тот момент находился на сцене. Как сейчас помню, он делает огромные глаза, затем какой-то немой кульбит и скрывается за декорацией. Я съел у него полсцену. Распереживался, перепутал текст, а когда зашел за кулисы - упал, разрыдался - такая была трагедия. Я бежал по ночной Чехословакии в истерике, в слезах в гостиницу. Зарылся с головой в подушку. От ужаса, стыда, обиды на самого себя. Пришел отец и произнес: «Плечи! А я тебе говорил!!!» И теперь перед каждым спектаклем - мандраж дикий! Облегчение наступает только после последней реплики.

- Саша, а как ты попал в «Ленком»?

- Отдыхая летом в Мисхоре, познакомился с солистом ленкомовского «Аракса» Александром Садо. А осенью он позвонил. Ситуация киношная. Намылил голову, купается в ванной, входит жена: «Тебя срочно к телефону!» - «Пусть перезвонит через 10 минут». - «Это важно! Иди!» Недовольно шлепаю с намыленной башкой и бурчу в трубку: «Але». - «Чтобы через 20 минут был в театре. Предстоит по-

каз на «Юнону». У меня затряслись колени, но через 20 минут я был в театре. На меня посмотрели в режуправлении и благословили на показ Марку Анатольевичу. И три человека - Витя Раков, Дима Кудрявцев и Наташа Сомонова - потрясающие люди, две недели тратили свое время и готовили меня на ввод. (А я был человеком с улицы). Через две недели я показывался Марку Анатольевичу, станцевал прилично, читал из «Пира во время чумы».

- Он знал, что ты сын Лазарева и Немоляевой?

- Сначала нет. Позже, уже после того, как он взял меня к себе, то заинтересовался, не отношусь ли я к ним каким-то боком? Я сказал, что каким-то боком отношусь. Когда я узнал, что, возможно, поеду в Америку с «Ленкомом» танцевать в «Юноне», меня охватило безумие. Но дело в том, что если бы я тогда уехал с театром, то сильно бы подвел курс. Я учился тогда у Александра Калягина и должен был играть в дипломном спектакле «Чайка». И эта постановка тоже должна была ехать в Америку. Чтобы никого не подводить, я выбрал «Чайку», а к Марку Анатольевичу пришел осенью. Я играл в «Юноне», танцевал в «Поминальной молитве», затем вошел в «Ромула великого». Это был риск со стороны режиссера Петра Штейна, так как никто толком не знал, что за артист. Ну а потом наши магистры решили передать «Гамлета» молодежи. И со мной над ролью Клавдия долго бился Александр Збруев.

- Тебе нравится, как он работает на сцене?

- Чрезвычайно! Это суперактер! Особенно когда бывает в удаче!

- Александр Сергеевич, а вы помогали Саше в работе над ролями?

- Нет. Я считаю, что Марк Захаров - такая яркая фигура, столь тонкий и талантливый режиссер, что всегда говорю Шурке: вот как он тебе выстраивает роль, так и делай. Режиссер - это моя позиция - всегда знает о роли намного больше, чем артист. И вначале надо сделать то, что он тре-

бует, а потом, если станет «тесно», приносить что-то новое.

Рассказывает Александр Лазарев (младший).

- Отец всегда поступал очень мудро - он в творчестве уступил мне мою «взлетную полосу». И мне кажется, что ему большей частью нравится то, что я делаю.

- Это искренне?

- Но ведь он прежде всего - профессионал. И фальши на сцене не выносит. Нет, конечно, мы делаем друг другу замечания, очень переживаем на премьерах друг за друга.

- Ну а с мамой?

- С мамой нам выпало счастье вместе сниматься в «Провинциальном бенефисе». Я слышал от актеров, что она - замечательная партнерша - все видит, слышит. И рад был в этом убедиться.

- Александр Сергеевич, вы довольны тем, как складывается Сашина творческая судьба?

- Пока грешно жаловаться. Отсылся в «Провинциальном бенефисе» со многими «звездами». Картина, к сожалению, на три года уехала за рубеж. Сейчас заканчивает работу у Виталия Соломина в фильме «Охота» - безумно интересный материал: лошади, костры, собаки... Большие возможности.

- А когда он научился сидеть в седле?

- Сами удивляемся. Спрашиваю, ну как ты поехал, расскажи?

- Нормально, пап, сел и поехал. Не волнуясь.

Рассказывает Александр Лазарев (младший).

- Первый раз я сел на очень смиренную и умную лошадь. А вот на съемках под Питером мне попалась кобыла, которая ни разу не ходила под седлом. Была жуткая борьба - лошадь ни секунды не стояла на месте, козлила, била задом. Сплюшная мука... Но зато теперь я могу проскакать галопом перед камерой.

- Александр Сергеевич, какую бы роль вы хотели пожелать сыну?

- Что-нибудь очень глубокое. В нем, как мне кажется, есть и чистый романтизм, и трагическая глубина. Перед премьерой он

напоминает мне переполненный сосуд. А друзья - артисты часто спрашивают: «Откуда это у него - все эти оценки? Эта внутренняя загруженность? Где он всему этому успел научиться?» Я вспоминаю в таких случаях Светлану маму, которая говорила: «Вы - это что... Вот Шурка у вас растет! Вот это будет нечто...» А может, об этом не надо писать, а?

Рассказывает Александр Лазарев (младший).

- Мне грешно жаловаться на судьбу - в таком возрасте и такие роли! Клавдий в «Гамлете», граф в «Женитьбе Фигаро», Эмилиан в «Ромуле великом»...

- Расскажи напоследок что-нибудь забавное нашим читателям из своей биографии. Говорят, на «Женитьбе Фигаро» бывает много смешных накладок...

- Был второй спектакль. Мало того, что я на нем несколько раз упал, стукнулся несколько раз головой, так в довершение ко всему у меня лопнули штаны. От пояса до пояса. Впереди - огромный кусок и танец с графиней, где я должен поворачиваться спиной к залу. Ужас тихий. Я застыл, вытянулся, зажал ноги. И так в статике на одном месте провел всю сцену, периодически кидая реплики в зал. Марк Анатольевич прибежал за кулисы и, говорят, у всех спрашивал: «Что с ним такое? Может, он ногу сломал? Почему он застыл на одном месте?» А Саша Захарова (Графиня) вообще ничего не понимала. Потому что я сломал не ногу, а все ее мизансцены. В конце она просто от отчаяния разрыдалась. Наконец мне удалось передать за кулисы, что у меня лопнули штаны. Мне вынесли какие-то образцы камзола. Я обязался им, как банным полотенцем... Вот это действительно было довольно смешно, правда, мне тогда было не до смеха...

- А что бы хотел сыграть в будущем?

- Ну может быть... - тут Саша надолго задумывается. - Хлудова в «Бере» и... Гамлета. Плох тот артист, который... Хотя я тут, наверное, не слишком оригинален.